

Сумерки сгущались, но хриплые, полные двусмысленности звуки всё не стихали. В них было нечто невыразимое, каждый звук, словно крючок, зацеплялся за душу, пробуждая самые потаённые мысли...

Когда же всё закончилось, луна уже стояла высоко над ветвями. Даже самый упрямый человек не выдержал бы такого изнеможения и провалился в глубокий сон, не заметив, что Цзи Чжаохэн отомкнул его оковы. А значит, он упустил и единственную возможность для побега.

Омывшись, Цзи Чжаохэн улёгся, прижимая к себе спящего, на уже убранную постель. Он смотрел на того, кто так крепко спал в его объятиях, и сердце его наполнялось бесконечной нежностью. Поцеловав Су Яньи в лоб, Цзи Чжаохэн произнёс, словно выдыхая:

— Я знаю, что ты не хочешь, но я уже не в силах отпустить тебя. В этой жизни тебе суждено быть связанным только со мной.

.....

На следующий день Су Яньи открыл глаза и с размаху сбросил Цзи Чжаохэна с кровати пинком.

Близость, повторявшаяся вновь и вновь, ничуть не изменила отношения Су Яньи к Цзи Чжаохэну. Напротив, он ещё больше возненавидел того, кто принуждал его, хотя сам он тоже получал удовольствие.

Цзи Чжаохэн не спал. Он всю ночь пролежал, обнимая Су Яньи, и не мог заставить себя разжать объятия, поэтому не ожидал нападения. Он приподнялся, держась за поясницу, и, подняв взгляд, увидел, что Су Яньи уже сидит на кровати и, усмехаясь, смотрит на него.

— Поделом тебе, — холодно произнёс он.

Одеяло соскользнуло, обнажив грудь, покрытую сине-багровыми следами — от ключиц до предплечий не было ни одного нетронутого места. Следы уходили и ниже, скрываясь за краем одеяла, что лишь разжигало воображение.

Цзи Чжаохэн не рассердился. Он поднял с пола одежду, не торопясь оделся, привёл в порядок длинные волосы и снова стал воплощением небожителя.

Су Яньи с отвращением посмотрел на него:

— Притворщик. До чего же мерзко.

— Ты, должно быть, устал прошлой ночью, — с лёгкой улыбкой произнёс Цзи Чжаохэн. В его глазах, после утолённой страсти, читалась ещё более глубокая нежность. Он приблизился к Су Яньи, желая заключить его в объятия, но тот схватил подушку и с силой швырнул её в него, выкрикнув сквозь зубы:

— Пошёл вон!

Цзи Чжаохэн замер, протянутая рука остановилась на полпути. Взглянув на разгневанное лицо, он отступил. Вдохнув про себя, он поднял с пола подушку, положил её на кровать и тихо сказал:

— Если что-то понадобится, позови меня.

В ответ он услышал лишь ещё более ледяное:

— Вон!

Когда Цзи Чжаохэн ушёл, Су Яньи снова яростно дёрнул цепь на ноге. Результат был, разумеется, плачевным. Один конец цепи был надёжно закреплён на нефритовой кровати, а другой — кольцом охватывал его лодыжку. Сколько бы он ни тянул, всё было тщетно.

Потратив уйму сил, Су Яньи в изнеможении откинулся на постель, выкрикивая ругательства:

— Проклятый Цзи Чжаохэн! Когда-нибудь я надену эту штуку на тебя самого!

Каждый день быть запертым, точно ручной зверёк, — с его гордостью Демонического владыки он не мог снести такого унижения. Но, кроме как осыпать Цзи Чжаохэна проклятиями, у него пока не было иного выхода.

Цепь была длинной, не стесняла движений, но позволяла перемещаться лишь в пределах одной комнаты. Возможно, опасаясь, что ему станет скучно, комната была очень просторной. Кроме жилого помещения, здесь имелся и источник с горячей водой для омовений.

Лёжа на кровати, можно было видеть, как над водой клубится пар, однако в комнате не было влажно. Цзи Чжаохэн установил изолирующий барьер, но с извращённым чувством юмора разместил источник прямо на виду, постоянно напоминая Су Яньи о том, как они вместе купались и предавались страсти.

.....

Су Яньи, злясь на сковывавшую его цепь, каждый день непременно дёргал её, хотя и знал, что не сможет разорвать. И вот, когда цепь с грохотом натянулась, в комнату вбежал белоснежный духовный соболь.

Взгляд Су Яньи невольно приковался к зверьку. Кто бы мог подумать, что грозный Демонический владыка питает слабость к таким мягким и пушистым созданиям? Он совершенно не мог устоять перед ними.

Заточённый здесь, он изо дня в день видел только Цзи Чжаохэна и больше ни одной живой

души. От скуки он уже сходил с ума, поэтому, как только увидел соболя, тут же лёг на край кровати, протянул к нему руку и тихо позвал:

— Иди сюда.

Соболь понимал человеческую речь и, конечно, послушался. В два прыжка он оказался в объятиях Су Яньи.

Су Яньи взял соболя за шкурку, заглянул в его крошечные глаза-бусинки и фыркнул:

— Глупая зверюшка.

— Если бы я знал, что А-и так нравятся соболя, я бы принёс его раньше, — донёсся снаружи голос Цзи Чжаохэна.

Су Яньи, всё ещё державший соболя, замер, а затем, сделав вид, что ничего не случилось, бросил зверька на кровать. Он поднял глаза и увидел, как в комнату вошёл Цзи Чжаохэн, наклонился, поднял соболя и провёл длинными пальцами по его мягкой шёрстке.

Су Яньи сидел в центре нефритовой кровати, по привычке слегка согнув одну ногу и положив на колено руку. Своими раскосыми глазами-фениксами он холодно смотрел на Цзи Чжаохэна и насмешливо произнёс:

— А я-то думаю, что это за шум? А это всего лишь бесшёрстная тварь.

Цзи Чжаохэн привык к его ругани, эти слова пролетали мимо ушей. Он подошёл к кровати, сел, не дожидаясь приглашения, и, поглаживая соболя одной рукой, уставился на Су Яньи. Его взгляд скользнул сверху вниз и остановился на ногах Су Яньи.

Там, где цепь натирала кожу, остались красные следы, кое-где даже содрана кожа — на белой нежной коже они выглядели особенно ярко. Видимо, хозяин был слишком непослушен.

Цзи Чжаохэн положил соболя на кровать и протянул руку. В ней тут же появилась белая фарфоровая баночка. Другой рукой он попытался взять Су Яньи за ногу, но тот, словно избегая грязи, с опаской отодвинулся.

Однако от настойчивости Цзи Чжаохэна было не уйти — в конце концов ступня оказалась у того в ладони.

— Не двигайся, будь паинькой, — Цзи Чжаохэн, опустив голову, старательно наносил мазь на ранки на ноге Су Яньи.

Су Яньи на мгновение застыл. Он смотрел на Цзи Чжаохэна и на время перестал вырываться. Взгляд его был странным, потому что тот держал его ногу так, словно это было бесценное

сокровище, — сосредоточенно, нежно, с явной болью в глазах.

Никто и никогда не смотрел на него так. Его собственных ран было не счесть, он уже и не помнил их. Подчинённые боялись его, трепетали перед ним, и если видели его раненым, то на лицах их была тревога, но на самом деле каждый мечтал занять его место. Даже то нападение, скорее всего, было делом их рук.

Мазь была молочного цвета, прохладная, не вызывала боли. Закончив, Цзи Чжаохэн даже легонько подул на ссадины, но не снял цепь — главную причину всех бед.

Су Яньи, замешкавшийся было на миг, очнулся только тогда, когда Цзи Чжаохэн склонился и нежно поцеловал его в подъём стопы. Он резко отдёргнул ногу, сжался в комок, словно стараясь стать как можно меньше, и с отвращением посмотрел на Цзи Чжаохэна:

— Ты больной? Какая же гадость!

Цзи Чжаохэн, словно не слыша, лишь указал на соболя, который грыз нефритовую кровать, и спросил с улыбкой:

— А-и, он тебе нравится?

Холодный и бесстрастный Бессмертный почтенный, похоже, за всю свою жизнь полюбил только это существо. Что ещё оставалось делать? Приходилось баловать и ублажать, ведь он же сам запер его в этой клетке, сломив его гордый дух.

Су Яньи отодвинулся от Цзи Чжаохэна подальше, почти вжавшись в стену, и холодно ответил:

— Нет.

Ему всё казалось, что Цзи Чжаохэн болен. Если бы не болезнь, разве стал бы властитель Секты Бессмертных держать в заточении его, главу демонов? А что до слов о любви — разве мог он поверить в такую эфемерную чушь?

— Тогда эта зверушка бесполезна, — сказал Цзи Чжаохэн и внезапно, сжав пальцы, схватил соболя, явно намереваясь задушить его.

— Нет! — Су Яньи, не раздумывая, бросился вперёд и выхватил соболя из рук Цзи Чжаохэна.

Он смотрел на Цзи Чжаохэна в замешательстве. Ему показалось, что Цзи Чжаохэн больше похож на демона, чем он сам.

Цзи Чжаохэн по-прежнему улыбался, но от этой улыбки у Су Яньи по коже побежали мурашки. Голос его оставался мягким:

— А-и он нравится — пусть остаётся с тобой.

Су Яньи промолчал. Интуиция подсказывала ему, что с этим человеком лучше не связываться — разозлишь безумца, и тот способен на всё.

Вспомнив, что кое-где до сих пор саднит, Су Яньи проглотил готовые сорваться с языка ругательства. Он прижал к себе соболя и забился в самый дальний угол, подальше от этого сумасшедшего.

<http://bllate.org/book/18801/1827682>